В. ПАТЦЕЛЬТ
ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТОВ,
МОРФОЛОГИЯ И УРОКИ ИСТОРИИ.
МОЖНО ЛИ ИЗВЛЕКАТЬ УРОКИ ИЗ ИСТОРИИ?

Два расхожих мнения о пользе истории для политики и политологии противоречат друг другу. Одно гласит: история учит только тому, что люди ничему у нее не учатся. Второе мнение высказал Цицерон: «*Historia magistra vitae*», история – учитель жизни, указывающий, что нужно делать и чего следует избегать.

Существует целый ряд наблюдений за тем, как человек «использует» историю. Биржевые аналитики строят временные ряды на основе курсов акций и других экономических данных для определения закономерностей колебаний на рынке. Метеорологи изучают климат для выделения природных и антропогенных изменений. Политологи исследуют возникновение и трансформации режимов и определяют риски для их устойчивости и шансы на стабилизацию. Все эти эксперты стремятся обнаружить в истории – не важно, идет ли речь о временных рядах протяженностью в десятки лет или о периодах, растянувшихся на века, – определенные модели для лучшего понимания настоящего или предотвращения проблем в будущем. Однако биржевые аналитики часто составляют неверные сценарии, метеорологи дают ненадежные прогнозы, а политологи хотя и достигли определенных успехов в описании трансформаций и интерпретации статистических данных, нередко делают ошибочные предположения.

Но повинна ли в этом история? С одной стороны, может быть, всякое настоящее настолько отлично от прошлого, что об-

ращение к нему бессмысленно, и знание сегодняшнего мира не несет никакой пользы для познания мира завтрашнего. Это противоречит нашему жизненному опыту. С другой стороны, проблема может корениться не в самой истории, а в том, как мы за ней наблюдаем и что мы в ней ищем. В поддержку этой позиции можно привести два аргумента.

Во-первых, не прекращаются попытки открыть «законы истории», чтобы с их помощью делать практические прогнозы. В малых масштабах эти «законы» формулируются в виде моделей транзита, в больших – приобретают универсальный характер, например, материалистическая теория смены формаций. «Уроки истории» привели в XX в. к жестоким системным трансформациям с чудовищными последствиями; тем большее сожаление вызывает тот факт, что эти «уроки» не подтвердились. В целом ошибочно то представление, согласно которому существует некий должный, предопределенный «генеральный планом» и, более того, предсказуемый ход истории [Popper, 1974]. Однако верно, что однажды случившееся событие может иметь далеко идущие последствия, как, например, принятие первой конституции в постсоциалистическом государстве. Понять влияние «тропы зависимости» [Evolution and path dependence in economic ideas, 2001, Margolis, Liebowitz, 1995; Pierson, 2000] – не значит сделать ошибочные выводы, например, что в XX столетии *неизбежно* должны были возникнуть коммунистические государства, или в XXI в. демократия *неминуемо* будет распространяться на все новые территории.

Во-вторых, те процессы, которые формируют настоящее (и тем самым прошлое – как «прошедшее настоящее» и будущее – как «приходящее настоящее»), протекают на разных уровнях действительности и с разной скоростью, как показал Фернан Бродель [Braudel, 1974] в трехуровневой структуре исторического времени. На уровне «времени большой длительности» («la longue durée») происходят сдвиги, зависящие, среди прочего, от взаимодействия географических и климатических факторов. На уровне конъюнктурного времени («conjoncture») протекают процессы, формируемые, например, техническим прогрессом, циклами конъюнктуры и принятием новых конституций. На уровне «сжатого времени» происходят события, значительно зависящие от случая, «событийная история» («l’histoire événementielle»). Ошибается в рассмотре-

нии истории и в извлечении уроков из нее тот, кто из наблюдений за одним уровнем исторического времени делает выводы для другого.

На основе исторических знаний можно легко прогнозировать долгосрочные изменения. Прогнозирование циклов конъюнктуры или последствий принятия конституции все-таки возможно. Такого рода прогнозы не основаны на данных, уходящих далеко в прошлое, и не распространяются на далекое будущее, поэтому они редко воспринимаются как «уроки истории». Суждения о «событийной истории», о настоящем времени и предшествующих ему десятилетиях свойственны социальным наукам. В таких временных рамках *ceteris paribus* вполне возможно выделить какие-либо общие модели, как было сделано, например, при изучении электропального поведения. Эти выводы относятся к *большому* числу избирателей и не претендуют на то, чтобы быть справедливыми для *каждого* из них. Хотя исследователи политических трансформаций нередко полагаются на общие закономерности, при внимательном рассмотрении оказывается, что в нетривиальных своих проявлениях каждый случай уникален¹. Суждения о «событийной истории» и действующих в ней акторах часто оказываются бессмысленными для прогнозирования поведения конкретных индивидов. К сожалению, самый необходимый и практически полезный вид прогноза в политической науке касается именно роли политических лидеров. Однако так же, как человек должен был оставить надежду получить золото посредством экспериментов, полезных только для развития химии, в социальных науках ради объяснения главных причин *conditio humana* нужно отказаться предсказывать нетривиальное поведение индивидов, партий или режимов.

Задачи систематического анализа истории

Чтобы действительно извлечь уроки из истории, мы должны выполнить не менее пяти задач. *Во-первых*, следует изучать процессы изменений на разных *уровнях действительности* [Patzelt, 2007 а, S. 184–193]. Некоторые изменения происходят медленно, например развитие человеческой природы и форм человеческого

¹ Это рассуждение можно свести к известной формуле: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему».

поведения, а также развитие языков, культур, экономических и общественных систем. Другие изменения происходят очень быстро: перемена моды, круга общения, конкретных профессиональных задач. Наконец, есть изменения, которые протекают со средней скоростью и охватывают большие временные промежутки. К ним относятся, прежде всего, институциональные трансформации и режимные изменения; а также конституции, действующие лишь несколько десятилетий, органы власти (столетие и более), вооруженные силы (века), институты христианских церквей (до тысячи или даже до двух тысяч лет).

Во-вторых, нам следует обращать внимание на взаимодействие разных уровней действительности и процессов, на них протекающих. Оно имеет два направления: «снизу вверх» и «сверху вниз». Первое означает, что человеческая природа создает условия для существования культуры; культура же в свою очередь создает условия для возникновения определенных институтов, а институты определяют способы поведения. Направление «сверху вниз» означает, что конкретное поведение того или иного актора может способствовать укреплению или ослаблению института; институты определяют устойчивость или изменения культуры, которая далее воздействует на человеческую природу. В качестве примеров можно привести уничтожение неподходящих по параметрам детей и усовершенствование человека при помощи биотехнологий.

В-третьих, мы должны обращать внимание – на каждом уровне действительности и между ними – на взаимодействие тропы зависимости и случайности. «Тропа зависимости» означает, что события или решения вчерашнего дня определяют возможности сегодняшнего, а события или решения настоящего дня определяют возможности завтрашнего. Под случайностью подразумеваются события или решения, которые не являются невозможными. Именно посредством взаимодействия зависимого и случайного на всех уровнях действительности и совершается история. При поверхностном подходе она происходит на наиболее глубоком уровне, во времени большой длительности («longue durée»), при основательном детализированном подходе ее место – на верхнем уровне – в событийной истории. Особые интеллектуальные вызовы находятся на промежуточном уровне институтов. Это не арена чистой случайности, хотя случайные события, такие как потрясения, вызван-

ные приходом к власти в постреволюционный период харизматичного лидера, могут привести к очень быстрой смене институтов.

Поэтому, *в-четвертых*, нам нужно рассматривать факторы изменений на одном уровне действительности. При изучении режимных и политических трансформаций следует сосредоточиться на уровне институтов как несущей конструкции социальной действительности. Будут ли эти процессы изучаться при помощи описательно-исторического метода или посредством статистического анализа данных, это будет полезно для лучшего понимания «алгоритма эволюции». И если основные положения «Общей теории эволюции» [Lempp, Patzelt, 2007; Patzelt, 2007 b; Patzelt, 2012 b, S. 83–85; Schurz, 2011] применимы к институтам, то относительно их развития можно сказать следующее.

С одной стороны, ключевые факторы изменений раскрываются в процессе передачи культурных моделей¹ от одного поколения другому, т.е. от «компетентных пользователей» института начинающим пользователям, которые впоследствии будут поддерживать существующие институты, а затем передадут основные культурные модели следующим поколениям [Patzelt 2012 b, S. 74–78]. Иногда в процессе передачи культурные модели могут отличаться от исходных. Некоторые изменения соединяются с культурной моделью и входят в ее более сложную версию², другие же – оказываются жертвами «внутренней селекции».

С другой стороны, причины институциональных сдвигов могут возникать из процессов обмена между институтом и средой. Только при условии того, что институт выполняет какие-либо функции, полезные для окружения (например, производит автомобили, на которые есть спрос), и имеет ресурсы для выполнения этой функции (доход от продажи автомобилей), этот институт сможет продолжить свое существование. Институциональные изменения (например, переход от производства грузовых автомобилей к производству легковых) будут деструктивными, если ограничат получение ресурсов (если спрос на легковые автомобили окажется слишком низким). Так действует механизм *внешней се-*

¹ Например, правил и общепринятых норм ордена, партии, парламента или государства. Для обозначения таких культурных моделей будет введено понятие мема.

² Точнее, в комплекс коадаптированных мемов, или мемплекс.

лекции. Если базовое условие устойчивости института – его способность выполнять функции, приносящие пользу окружению, из истории можно извлечь уроки, каким образом институты функционально приспосабливаются к окружающей среде. Существуют обстоятельства, которые не дают возможности для обращения к истории. Если окружение института быстро меняется, институт не сможет к нему приспособиться. Это случайные процессы, которые поддаются описанию, но из которых нельзя извлечь закономерности. Процессы такого типа характерны для начальных фаз становления нового режима и для его развития в быстро меняющихся условиях. Возможна и противоположная ситуация: когда окружение института почти не меняется, так как контролируется самим же институтом, как это было, например, при некоторых коммунистических партиях, контролировавших свои государства. В этом случае окружение приспосабливается к институту, а не наоборот. Рассматривая такие случаи, можно узнать, как власть преобразует действительность, но нельзя изучить механизмы институциональных изменений.

В-пятых, мы можем пытаться найти в истории различных институтов (основываясь на результатах исторического анализа, проведенного в соответствии с четырьмя вышеназванными задачами) модели, поддающиеся обобщению и сравнению [Patzelt, 2012 с]. Например, каждая шахматная игра в силу возможных ходов, стратегий, ошибок достаточно индивидуальна и имеет «тропу зависимости». Но в каждой игре можно выделить общие модели («вилка», «связка» или «матовая сеть»), не привязанные ни к конкретным фигурам, ни к полям шахматной доски, ни к игровым ситуациям. Они представляют собой продукт как преднамеренного действия, так и случайности, и их можно обнаружить в разных ситуациях. Тем не менее речь идет именно о поддающихся обобщению и изучению, систематически применимых и искусственно предотвращаемых моделях. Каждый, кто обладает минимальным представлением о «теории» шахмат, способен увидеть за отдельными ходами, даже символически записанными, эти общие модели. Именно такого типа модели мы призываем искать в истории всех государств. Такие модели не только возникают «сами по себе», но и являются результатом намеренного действия акторов, по-

этому извлеченные «уроки» могут послужить основой для построения теорий и для политического консультирования.

Основание и преимущества исторического институционализма

Один из самых эффективных методов изучения истории предлагается историческим институционализмом [Structuring politics, 1992; Skocpol, 1995; Pierson, Skocpol, 2002]. Отчасти как течение в рамках неинституционализма он получил развитие в конце 1960-х – конце 1970-х годов в новаторских трудах о социальных предпосылках диктатуры и демократии, о роли государства в периоды революций и о политическом порядке в меняющихся обществах [Moore, 1966; Huntington, 1968; Skocpol, 1979; Tilly, 1994]. Исторический институционализм выделяет факторы, влияющие на социальные, экономические, политические и культурные сдвиги, и вне зависимости от своего внутреннего содержания действующие функционально схожим образом. Прежде всего, определяется роль институтов – составляющих «несущую конструкцию» социальной действительности и целенаправленно созданных посредством принятия законов, – в процессах изменений. Институты могут устанавливать рамки таких сдвигов, могут стать факторами изменений (например партия, пережившая смену режима) или их результатом (например институт чрезвычайно сильного президента в стране как результат введения полупрезидентства в условиях слабой партийной системы). Отвергая все догмы философии истории («прогресс как принцип движения», «волновое распространение всеобщей демократии»), исторический институционализм интересуется тем, почему возникают институты и каким образом их «история» попадает в определенную тропу развития.

Ключевые понятия этого метода – тропа зависимости, критическая развилка (где действуют случайности), траектория, реактивные последовательности и возрастающая отдача. *Реактивная последовательность* означает, что случайные события могут положить начало процессам, которые, в свою очередь, приведут к результатам, воспринимаемым впоследствии как неизбежные и необходимые. Например, перед первыми демократическими выборами принимается избирательный закон, приводящий к фрагмен-

тации партийной системы и отсутствию устойчивого большинства в парламенте, что приводит к неэффективности и далее к попыткам ужесточения режима. *Концепт возрастающей отдачи* означает позитивную обратную связь, закрепляющую чисто случайно возникшие структуры и вводящую систему в стабильное состояние. К примеру, партия может получить неожиданно большую долю голосов на выборах, прийти к власти, проводить популярную политику и/или эффективную пропаганду, и в конечном итоге лидер этой партии может быть воспринят как гарант будущих успехов, что приведет к новой победе на выборах.

Во многих версиях исторического институционализма особенно подчеркивается роль случайностей, ведущих к небольшим, даже почти незаметным изменениям. Без таких изменений все, что однажды возникло, должно было бы остаться в стабильном состоянии. В других версиях исторического институционализма предполагается, что (например, как результат определенных причинно-следственных цепей) некоторая институциональная структура настолько хорошо согласуется с укрепляющей ее средой, что может возникнуть очень стабильное «точечное равновесие», которое ограничивает последствия случайностей и создает устойчивость. Но если внешние условия быстро изменятся, вся конструкция может мгновенно распасться – как случилось с ГДР. Между двумя этими версиями находится представление о том, что многие институты сохраняют стабильность во времена больших исторических переломов (христианская церковь пережила множество революций), а в других постепенно происходят незначительные изменения (как это было на протяжении столетий в английском парламенте). Далее, исторический институционализм подчеркивает важность асимметричного распределения власти для успешного функционирования и развития институтов, а также значимость той роли, которую при формировании и развитии последних играют идеи. Кроме того, можно выделить следующие четыре типа институционального развития [Thelen, 2004]: введение новых структур в дополнение к существующим институтам (институциональное наплаивание); перепрофилирование существующих структур (институциональная конверсия); изменение роли института вследствие изменения окружающей социальной действительности (институциональный дрейф); вытеснение института конкурентами (инсти-

туциональное замещение). Пытаясь идентифицировать такие типы изменений, исследователи выделяют в истории множество подпадающих обобщению моделей.

Однако зачастую остается неясным, как отличить те модели, которые *действительно* имели место в истории институтов, от тех, которые были «добавлены в историю» наблюдателем. Кроме того, исторический институционализм немного может проявиться в том, как именно протекают процессы изменений *внутри* институтов. В целом исторический институционализм успешно применялся скорее в больших эмпирических исследованиях, построенных вокруг отдельных теоретических концептов, чем во всеобъемлющих и обладающих мощной объяснительной силой теориях. Следует также отметить отсутствие теории возникновения критических развилки, а также условий для появления разных институциональных форм.

Эволюционный институционализм

Указанные пробелы мог бы восполнить эволюционный институционализм [Patzelt, 2007; 2012 a, 2012 b]. Он является продолжением исторического институционализма в том смысле, что к сравнительным исследованиям исторического институционализма адаптирует – как было обрисовано выше – познавательный и объяснительный потенциал общей теории эволюции. Включение в теорию «институциональной архитектуры» таких концептов, как «институциональное наслаивание» и «институциональная конверсия» и их дальнейшее развитие позволяет анализировать возможности реформ и условий устойчивости институтов.

«Алгоритм эволюции» предполагает двойной фокус: с одной стороны, на асимметричную «архитектуру» институтов, с другой – на зависящий от пройденного пути процесс ее институционализации и развития.

Кроме того, для структур одного института действует правило, согласно которому имеется несколько (сравнительно старых) структурных уровней (в совокупности они составляют своего рода «несущую конструкцию» института), на которых «держатся»¹ все

¹ *Структурно* нагруженными являются фундамент дома (на него давит вес стен и крыши), позвоночник у животных, выдерживающий вес тела, статья конституции с зависящими от нее как от своего основания законами и – в парла-

более «высокие» (поверхностные) или «внешние» структурные слои; последние остаются стабильными лишь постольку, поскольку с нижним (глубинным или внутренним) уровнем не происходит значимых изменений как с фундаментом всей структуры¹. В соответствии с этим намеренные или случайные изменения на «высших» или «внешних» и тем самым *менее нагруженных* уровнях институциональной архитектуры имеют больше шансов на успешную адаптацию к институту в целом (в нынешней его «версии»), чем изменения на внутренних или глубинных уровнях. Изменения в конструкции высших или внешних уровней имеют больше шансов противостоять действию факторов эндогенной селекции, чем изменения на глубинных и внутренних уровнях. Это означает, что случайно возникшие структуры института «фиксируются» посредством того, что другие, лежащие над ними структуры начинают «давить» своим весом на новые и тем самым делают последние несущими элементами конструкции. В результате изменения этих новых элементов, центральных для возникшей конструкции, оказываются гораздо менее вероятными, чем изменения периферии. Эта закономерность известна как «структурная инертность» института; она сохраняет силу и тогда, когда изменения в окружении института стимулируют быстрые и глубокие сдвиги в самом институте.

Такой же механизм действует при функционировании институтов. Каждый сложный институт осуществляет несколько ключевых функций, от *выполнения* которых зависит выполнение других

ментских системах – фракции с формируемым из них правительством. *Функционально* нагружены результаты работы с зависящими от них дальнейшими результатами, в парламентских системах – внутренняя дисциплина входящих в правящую коалицию партий с зависящей от нее способностью осуществлять намеченную политику. Так как функции являются определенной проекцией структур, за функциональной нагруженностью кроется нагруженность структурная. В структурно-функционалистских понятиях это отношение будет выражаться через термины «многофункциональной структуры» или «функционального эквивалента».

¹ Ментальный образ нагрузок как неких объектов, которые давят своим весом на фундамент, – это лишь один из вариантов репрезентации. Другой может быть проиллюстрирован образом висячего моста, который крепится на конструкциях, находящихся не под ним, а над ним. Эти типы ментальной репрезентации равноправны, поскольку оба они предполагают достаточную устойчивую институционального (в нашем случае) здания.

зависимых функций. Таким образом, институт можно представить как связку функциональных цепей, которые одним концом крепятся к главному назначению института, а другим – «тянутся» к внешнему окружению. Случайные или намеренные изменения на «внешних концах» функциональных цепей имеют больше шансов на фиксацию, чем изменения на прикрепленных концах. Те же, кто имеет доступ к последним, с одной стороны, производят основополагающие для функционирования института действия, а с другой – *могут пресечь их*; тем самым такие акторы играют ту важную роль во всей функциональной связке, которая в социальных структурах называется *осуществлением власти*. И в то время как асимметрия функциональных цепей уже сама по себе вызывает «*функциональную инертность*» (которая наравне со «структурной инертностью» образует феномен «*институциональной инертности*»), ухудшение в выполнении основных функций (вызванное указанным выше поведением ключевых акторов) будет означать намеренное блокирование институциональных изменений. Обратная сторона этой закономерности заключается в том, что те же акторы могут намеренно способствовать облегчению институциональных изменений.

Проистекающие из окружения института функциональные требования к системе могут меняться не только постепенно, но и резко и непредсказуемо. По этой причине воздействие асимметрии функциональных цепей на тропу зависимости институционального развития отличается от воздействия на нее асимметрии структурных уровней. Даже основополагающие функции могут измениться в результате радикальных сдвигов в окружении (например, первоначальное назначение НАТО потеряло актуальность вследствие окончания конфликта Востока и Запада, потому и были поставлены новые задачи). Однако поскольку функции осуществляются посредством структур, имеют место важные эффекты взаимодействия между факторами внешней и внутренней селекции, равно как и между двумя формами институциональной асимметрии. В качестве подходящей иллюстрации можно привести народную палату ГДР, в которой действовали (по политико-тактическим и функциональным причинам) многие структурные элементы «буржуазного» парламентаризма, например фракции и комитеты, хотя в социалистическом парламенте они не имели никакой функциональной роли. Руководство СЕПГ, контролировавшее народную палату, не нашло

инструментального применения этим перспективным структурам. Однако новые лидеры, которые в ходе «мирной революции» получили доступ к власти, быстро нашли этим структурам применение в новом, внутренне дифференцированном парламенте, и с их помощью в ноябре 1989 – июле 1990 г. положили конец доминированию СЕПГ, а затем наделили народную палату новыми функциями.

Другое важное следствие двойной асимметрии «нагруженных структур» и «функциональной сети» заключается в том, что отнюдь *не все* вариации структур и функций имеют одинаковые шансы на сохранение и, соответственно, могут вызывать институциональные изменения. Более того, в каждый момент времени развитие по одной *определенной* траектории более вероятно, чем по *другим*. Поэтому одного лишь поверхностного взгляда на историю одного института недостаточно для обнаружения различных «направленных процессов». По этой же причине в один данный момент *не все* представляемые варианты будущего могут с одинаковой вероятностью осуществиться, *не все* траектории развития можно одинаково описать, и *не все* «в принципе» осуществимые (промежуточные) цели действительно доступны. В связи с этим даже очень значительных инвестиций политических и экономических ресурсов недостаточно для осуществления *любой институциональной трансформации* – во всяком случае, не в *любой* момент, не с *любой* скоростью или не *любым* способом. Это не мешает возведению институциональных аналогов потемкинских деревень, как нередко происходило с экспортом институциональных форм Вестминстерского парламентаризма. Однако один лишь институциональный фасад не может привести к таким же инструментальным результатам, какие возможны при подлинных институтах.

«Критические развилки» в процессах, зависимых от пройденного пути, возникают, прежде всего, тогда, когда в государстве, в правящей группе или в институте происходят коренные изменения в системе управления или в системе убеждений¹, потому что в этом случае вся структурная группа или функциональная связка института может быть перестроена. Изменения способны либо привести к проведению планируемых реформ, как произошло на

¹ Более кратко эти системы управления и убеждений, взятые вместе, можно было бы назвать «эпимемической» системой института [Patzelt, 2012b, S. 78–83].

Втором Ватиканском соборе, либо положить начало непредсказуемым процессам, примером чего может служить смена курса, осуществленная новым генеральным секретарем ЦК КПСС Михаилом Горбачёвым. В первом случае реформы закончились глубоким институциональным кризисом; во втором же гласность и перестройка привели к распаду не только КПСС, но всего Советского Союза и целой империи. Если же значительные по последствиям изменения в системе управления или в системе убеждений правящей группы происходят в период, которому новая институциональная форма соответствует лучше, чем периодам предшествующим, институт может совершить рывок в своем развитии (примером может служить Социал-демократическая партия Германии после съезда в Бад-Годесберге в 1959 г.). При таких обстоятельствах могут в равной степени возникнуть – как это было в истории протестантизма – новый вариант или новый тип старого устойчивого института.

Эти наблюдения подводят нас к осознанию второго преимущества эволюционного институционализма, а именно к открытию подготовленного им основания для институциональной морфологии, т.е. сравнительному историческому исследованию институтов [Patzelt, 2007 d; 2012 b].

Морфология

Введенный в 1796 г. Иоганном Вольфгангом фон Гёте термин «морфология»¹ означал только *сравнительный структурный анализ*. Это предполагает обнаружение структурных моделей, анализ их возникновения, изучение их прошлых или настоящих взаимоотношений. При этом главной задачей является открытие и *распознавание* структурных моделей, а затем следуют попытки их *объяснения*. Успешные попытки свести в единую систему все колоссальное многообразие видов растений и животных убедительно демонстрируют эффективность такого подхода. Выделение предположительно наиболее важных структурных признаков живых существ и распознавание сходных и связанных признаков привело к весьма правдоподобному историческому объяснению эволюции. Другие успешные попытки применения такого подхода (после по-

¹ От др.-греч. μορφή – «форма» и λόγος – «учение».

пуляризации морфологии во второй половине XIX в.) были проведены в области сравнительного языкознания, а также в истории музыки, искусства и литературы, философии и политической мысли, однако при помощи столь разных аналитических категорий, что их единое основание может легко остаться незамеченным.

Первая задача состоит в том, чтобы морфологически *распознать* упорядоченные структуры, вторая – в том, чтобы *объяснить* распознанное. В отношении рассмотренного с морфологической точки зрения мира растений и животных такое объяснение представляет общая теория эволюции. Очевидно, что теория эволюции дает *историческое* объяснение: от одного поколения к другому передаются «строительные планы», а именно «гены», которые в свою очередь претерпевают изменения, часть из них закрепляется, а часть исчезает в результате селекции, осуществляемой посредством конкуренции за ограниченные ресурсы и борьбы за возможность дальнейшей передачи генетического материала, т.е. за партнера – вследствие такой конкуренции одни виды с определенным «строительным планом» распространяются больше других. Эволюционная теория в культурологии как разновидность общей теории эволюции [Patzelt, 2007] похожим образом объясняет морфологически реконструируемый мир литературы, изобразительного искусства, музыки и философии, и даже технической аппаратуры. Только «строительные планы» будут передаваться не в виде генов, а в виде закодированных на языке культуры мемов, т.е. *культурных моделей*, представленных в чертежах, картинах, мелодиях или текстах и выражаемых в разных знаковых системах: буквах, нотах, математических формулах и т.д.

Эволюционный институционализм, третий пример применения общей теории эволюции, использует открытия культурологической эволюционной теории в сочетании с теориями общественного устройства действительности для исследования процессов возникновения и развития институтов [Patzelt, 2007 a; 2010; 2012 a, S. 30–35]. У этого подхода та же предметная область, что и у исторического институционализма, однако он претендует на заполнение лакун в объяснениях. Кроме того, рассматриваемое ответвление институциональной морфологии позволяет проводить *всеобъемлющий сравнительный анализ институтов* (как исторических, так и современных) и предоставляет точный понятийный аппарат для

обозначения различных форм сходств и различий [Patzelt, 2007 d; 2012 c]. В общем и целом эволюционный институционализм усиливает институционализм исторический, а в случае институциональной морфологии даже превосходит его.

Как правило, сравнительное исследование имеет своим предметом структуры и процессы, их «сходства» и «отличия». Но при попытке раскрыть и объяснить сходства возникает «проблема Гэлтона», названная в честь сэра Фрэнсиса Гэлтона, который изложил ее в своем выступлении 1889 г. в Королевском Антропологическом институте. Она заключается в следующих вопросах: если признаки одной структуры (например, какого-либо института) являются схожими в двух различных контекстах, имеет ли это сходство своим источником *приспособление различных структур к схожим вызовам среды*, т.е. идет ли речь о форме *аналогичного* сходства, которое можно объяснить *функциональностью*? Или же это подобие происходит от *общности «строительного плана»* (т.е. от общего гена или мема), «использованного» в двух разных контекстах и сводится к «генетически» или «мемически» объясняемой форме *гомологического* сходства?

Гомология означает, таким образом, сходство исторически сложившихся *общих основополагающих или глубинных структур*. Поэтому гомологическое сходство может иметь место даже тогда, когда разные вызовы среды со временем приводят к большим различиям на «поверхностных» уровнях рассматриваемых структур. По этой причине гомологическое сходство зачастую трудно распознать, как, например, в случае сходства между руками человека и крыльями птицы или средневекового сословного собрания и современного парламента. Поскольку же из-за различий на верхних уровнях глубинное, гомологическое сходство структур зачастую оказывается неуловимым при простом рассмотрении, возникает необходимость в проведении специального исследования, в ходе которого можно проследить или *реконструировать* цепь передачи генов или мемов, ведущих к общему источнику. Эта задача достаточно легко решается в области хорошо задокументированной человеческой истории: например, несложно обнаружить, какие черты парламентаризма то или иное африканское государство заимствовало у Англии или Франции, какие почерпнуло из других источников, а какие являются местными разработками. Более сложно

было идентифицировать такие репликационные цепи в длительной временной перспективе в истории природы. Только с открытием ДНК стало возможно не просто правдоподобно реконструировать, но однозначно указывать на то, какие элементы генетического материала являются общими для тех или иных видов, т.е. идентифицировать гомологическое сходство между ними.

Аналогия означает сходство не в общности «строительного плана» структур, исходящего из одного источника, а сходство *поверхностных структур*, явившееся результатом приспособления к вызовам среды. Аналогичное сходство (например, между крыльями птицы и пчелы или между орденом доминиканцев и коммунистической партией) чаще всего наблюдаемо непосредственно, и единственным серьезным препятствием может служить неполнота знания о сравниваемых объектах. Федеральные представительные органы США и Германии, сенат и бундесрат, на первый взгляд могут показаться довольно похожими по своему внешнему облику и положению в структуре власти, хотя формируются и функционируют они по-разному. Чисто *аналогичное* сходство может быть установлено только тогда, когда, как в приведенном примере, существование общего источника, т.е. гомологичное сходство, *исключено*. Таким образом, изучение возникновения аналогичного сходства между объектами предполагает рассмотрение *взаимодействия структуры и окружения, а также степени влияния осуществляемых функций на структуру, их выполняющие*¹.

Конечно, возможно, что некоторые структуры не только были построены по схожим проектам, но и подвергались одинаковому воздействию среды. В таком случае речь идет об *аналогичном сходстве на гомологичном фундаменте*. В сравнительной зоологии это подобие именуется «*гомойологичным*». Гомойологичное сходство мы можем найти и при сравнительном изучении институтов, когда аналогичное развитие новых структур накладывается на гомологично схожее происхождение и в связи с этим возникает синергическое взаимодействие двух типов подобия. Например, парламенты часто могут быть подобны друг другу не только потому, что выполняют схожие функции (например, контроль над правительством), но и потому, что имеют общую историю (как британ-

¹ Это ключевая идея эволюционной теории познания [Lorenz, 1973; 1999].

ская палата общин и американская палата представителей) или включают в себя множество гомологично схожих структур, что обусловлено (частичным) переносом институтов¹. Без четкого определения таких понятий, как аналогия, гомология и гомойология, невозможно различить три *принципиально отличные* формы сходства². Сложность такого разграничения вызывает дискуссии о «неудачных примерах» и «недопустимых сравнениях», которые искажают результаты сравнительных исследований, прежде всего тогда, когда сравнения осуществляются в широкой (исторической) перспективе или с использованием метода наибольших отличий³. Но, вооружившись введенным понятийным аппаратом, позволяющим в подробностях рассматривать сходства и отличия, изучение морфологии институтов может осуществляться по следующему алгоритму: посредством (исторического) сравнительного анализа партий и парламентов, армий или органов власти на первом этапе⁴ может быть установлено, между какими партиями, парламентами, армиями и т.п. существует гомологичное сходство. Если такового отсутствует, то осуществляется поиск аналогичного сходства. Если же и его не обнаружится, то либо сравниваемые структуры схожи лишь случайно, либо не схожи вовсе, и тогда из их изучения нельзя извлечь «уроки истории» для настоящего или будущего. На следующем шаге морфологического анализа сравниваемые структуры группируются по мемическим взаимоотношениям, т.е. по крите-

¹ Обратный случай, т.е. воздействие разных сред на гомологично схожие структуры и формирование вследствие этого аналогичного различия, можно рассмотреть на примере парламентов социалистических стран. По своему происхождению эти парламенты были гомологичны тем, что существовали в капиталистических странах, но из-за специфики своего окружения приобрели другие функции, что сделало их аналогично отличными от парламентов капиталистического мира. Именно по этой причине в ряде исследований они не причисляются к «настоящим» парламентам.

² До XIX в. понятие аналогии употреблялось еще и в том смысле, который сегодня придается понятию гомологии (введенному Ричардом Оуэном (1804–1892)).

³ О двух других важных формах подобия – гомономия и гомодинамия см.: [Patzelt, 2012b, S. 97f].

⁴ Точнее, после идентификации гомодинамически и гомономически обусловленных сходств и их дальнейшего исключения из анализа; см. следующие замечания в основном тексте.

рию гомологического сходства. На этом этапе также происходит упорядочивание по исторической генеалогии или культурной диффузии. Затем неупорядоченный сравнительный материал группируется по критерию аналогичного сходства. После этого может оказаться, что какие-либо структуры как *гомологично*, так и *аналогично* подобны друг другу, в силу чего их следует выделить в группу *гомойологического сходства*.

В области гуманитарных наук сила рассматриваемого метода была доказана открытием индоевропейской языковой семьи и определением зоны ее исторического и географического распространения. Не менее впечатляющими были результаты морфологических исследований органов власти и армий, партий и парламентов [Patzelt, 2007 d; Parlamente und ihre Evolution, 2012] или многочисленных течений современной политической мысли, упорядоченных, с одной стороны, исторически и с другой стороны – по их закреплению в конкретных отношениях между системой и средой. Особенно продуктивным морфологический подход оказался в области сравнительного анализа системных реформ и системных трансформаций. Он позволяет выделить традиции (даже прерванные), которые привели к появлению тех или иных институтов или частей институтов (например, возрождение ранее существовавшей партии) и определить, какие институты были заимствованы (к примеру, избирательная система из одной страны и конституционный суд – из другой)¹. При этом высвечиваются «ошибки» заимствования (намеренные – ради лучшего приспособления к собственным традициям или ненамеренные, явившиеся следствием непонимания) и их последствия. Кроме того, морфологический подход проясняет влияние селекции на такие заимствования из другого контекста, на новые функции и потенциал развития института в новых обстоятельствах. Он обращает внимание на «пробы и ошибки», которые свойственны процессу апробации институциональных идей на практике. Наконец, он позволяет исследователю поставить вопрос: какие подобные институты обязаны своим сходством не заимствованному образу, а, возможно, всего лишь тому, что люди, имеющие общие цели и располагающие схожими средствами к их

¹ Анализ случаев формирования парламента в новых германских землях (ранее входивших в ГДР) представлен в [Patzelt, 2011].

достижению, методом проб и ошибок приходили к схожим институциональным решениям? Кроме того, морфологический анализ показывает, что поверхностные и глубинные институциональные процессы зависят от определенных обстоятельств окружающей среды, которая может дестабилизировать «институциональную архитектуру». Приняв все это во внимание, можно оценить, насколько стабильны и способны к дальнейшему развитию существующие институты, чем они «больны», каким потенциалом они обладают и каких целей с их помощью можно достигать¹.

Таким образом, морфология открывает *сокровищницу истории* не только в биологии или сравнительном языкознании, но и в политической науке. Возможно, именно этот путь ведет к извлечению из истории полноценных уроков, и он, во всяком случае, лучше блуждания в ней на ощупь. Морфология и исторически-эволюционный институционализм позволяют обнаружить в каждой исторической модели и в каждом предмете зависимые и случайные процессы формирования структур, открытие и обобщение которых имеет практическое значение для образовательных целей. В *остатке* будет только чистая *случайность* – подобно необъяснимой дисперсии в многомерном статистическом анализе.

Литература

- Braudel F.* Geschichte und Sozialwissenschaften. Die ‚longue durée‘ / Wehler, Hans-Ulrich (Hrsg.) // Geschichte und Soziologie. – Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1976. – S. 189–215.
- Evolution and path dependence in economic ideas. Past and present / Garrouste P., Iannides S. (Hrsg.). – Cheltenham: Edward Elgar, 2001. – 247 p.
- Evolutionärer Institutionalismus. Theorie und empirische Studien zu Evolution, Institutionalität und Geschichtlichkeit / Patzelt W.J. (Hrsg.). – Würzburg: Ergon-Verlag, 2007. – 739 S.
- Huntington S.* Political order in changing societies. – New Haven: Yale univ. press, 1968. – 488 p.
- Thelen K.* How institutions evolve. – Cambridge: N.Y: Cambridge univ. press, 2004. – 333 p.

¹ Анализ институциональных реформ [см.: Lempp, 2007].

- Lempp J.* Ein evolutionstheoretisches Modell zur Evaluation von Reformen. Fallanalyse: Die Reform des Auswärtigen Amtes / Evolutorischer Institutionalismus. Theorie und empirische Studien zu Evolution, Institutionalität und Geschichtlichkeit / Patzelt W.J. (Hrsg.). – Würzburg: Ergon-Verlag, 2007. – S. 599–639.
- Lempp J., Patzelt W.J.* Allgemeine Evolutionstheorie. Quellen und bisherige Anwendungen // Evolutorischer Institutionalismus. Theorie und empirische Studien zu Evolution, Institutionalität und Geschichtlichkeit / Patzelt W.J. (Hrsg.). – Würzburg: Ergon-Verlag, 2007. – S. 97–120.
- Lorenz K.* Analogy as a source of knowledge. – 12.12.1973. – Mode of access: <http://www.nobel.se/medicine/laureates/1973/lorenz-lecture.pdf> (Дата обращения: 11.04.11.)
- Lorenz K.* Die Rückseite des Spiegels. Versuch einer Naturgeschichte menschlichen Erkennens. – München: Piper, 1999. – 317 S.
- Margolis S., Liebowitz S.J.* Path dependence, lock-in, and history // Journal of law, economics, and organization. – New Haven, Conn., 1995. – Vol. 11. – N 1. – P. 205–226.
- Moore B.* Social origins of dictatorship and democracy. – Boston: Beacon press, 1966. – 559 p.
- Parlamente und ihre Evolution. Forschungskontext und Fallstudien / Patzelt W.J. (Hrsg.). – Baden-Baden: Nomos, 2012. – 357 S.
- Patzelt W.J.* Perspektiven einer evolutionstheoretisch inspirierten Politikwissenschaft // Evolutorischer Institutionalismus. Theorie und empirische Studien zu Evolution, Institutionalität und Geschichtlichkeit / Patzelt W.J. (Hrsg.). – Würzburg: Ergon-Verlag, 2007 a. – S. 183–235.
- Patzelt W.J.* Institutionalität und Geschichtlichkeit in evolutionstheoretischer Perspektive // Evolutorischer Institutionalismus. Theorie und empirische Studien zu Evolution, Institutionalität und Geschichtlichkeit / Patzelt W.J. (Hrsg.). – Würzburg: Ergon-Verlag, 2007 b. – S. 287–374.
- Patzelt W.J.* Kulturwissenschaftliche Evolutionstheorie und Evolutorischer Institutionalismus // Evolutorischer Institutionalismus. Theorie und empirische Studien zu Evolution, Institutionalität und Geschichtlichkeit / Patzelt W.J. (Hrsg.). – Würzburg: Ergon-Verlag, 2007 c. – S. 121–182.
- Patzelt W.J.* Grundriss einer Morphologie der Parlamente // Evolutorischer Institutionalismus. Theorie und empirische Studien zu Evolution, Institutionalität und Geschichtlichkeit / Patzelt W.J. (Hrsg.). – Würzburg: Ergon-Verlag, 2007 d. – S. 483–564.
- Patzelt W.J.* Evolutionstheorie als Geschichtstheorie. Ein neuer Ansatz historischer Institutionenforschung // Der Mensch – Evolution, Natur und Kultur. Beiträge zu unserem heutigen Menschenbild / J. Oehler (Hrsg.). – Heidelberg: Springer, 2010. – S. 175–212.

- Patzelt W.J.* Institutionenbildung anhand von «Blaupausen»: Die Neuentstehung des ostdeutschen Parlamentarismus als Beispiel // Ostdeutschland und die Sozialwissenschaften. Bilanz und Perspektiven 20 Jahre nach der Wiedervereinigung / A. Lorenz (Hrsg.). – Opladen: Verlag Barbara Budrich, 2011. – S. 261–292.
- Patzelt W.J.* Quellen und Entstehung des «Evolutionären Institutionalismus» // Parlamente und ihre Evolution. Forschungskontext und Fallstudien / Patzelt W.J. (Hrsg.). – Baden-Baden: Nomos, 2012 a. – S. 9–45.
- Patzelt W.J.* Evolutionärer Institutionalismus in der Parlamentarismusforschung. Eine systematische Einführung // Parlamente und ihre Evolution. Forschungskontext und Fallstudien / Patzelt W.J. (Hrsg.). – Baden-Baden: Nomos, 2012 b. – S. 47–110.
- Patzelt W.J.* Verschiedene Geschichten, gleiche Muster. Vier Vertretungskörperschaften und ihre Evolution. Deutscher Bundestag – Volkskammer der DDR – Europäisches Parlament – Rat der Europäischen Union // Parlamente und ihre Evolution. Forschungskontext und Fallstudien / Patzelt W.J. (Hrsg.). – Baden-Baden: Nomos, 2012 c. – S. 299–353.
- Pierson P., Skocpol T.* Historical institutionalism in contemporary political science // Political science: State of the discipline / I. Katznelson, H.V. Milner (eds.). – N.Y.: American Political Science Association, 2002. – S. 693–721.
- Pierson P.* Increasing returns, path dependence, and the study of politics // American political science review. – Washington, D.C., 2000. – Vol. 94. – N 2. – P. 251–267.
- Popper K.R.* Das Elend des Historizismus. – Tübingen: J.C. B. Mohr, 1974. – 132 S.
- Schurz G.* Evolution in Natur und Kultur. Eine Einführung in die verallgemeinerte Evolutionstheorie. – Heidelberg: Springer-Verlag, 2011. – 436 S.
- Skocpol T.* States and social revolutions. A comparative analysis of France, Russia, and China. – Cambridge; N.Y.: Cambridge univ. press, 1979. – 407 p.
- Skocpol T.* Why I am an historical-institutionalist // Polity. – Basingstoke, UK, 1995. – Vol. 28. – P. 103–106.
- Structuring politics: Historical institutionalism in comparative analysis / Steinmo S., Thelen K., Longstreth F. (eds.). – Cambridge: N.Y.: Cambridge univ. press, 1992. – 257 p.
- Tilly C.* Coercion, Capital, and European States, AD 990–1992. – Cambridge, MA: Blackwell, 1994. – 271 p.